

© ЭО, 2005 г., № 4

М.В. Монгуш

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ТУВИНЦЕВ МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Тувинцы – коренное население Республики Тыва (Тува) в составе Российской Федерации. По данным переписи 2002 г., их насчитывается 244 тыс. человек, или 70% от всего населения республики (общая численность 311 тыс.) (*Монгуш* 2003: 110).

Часть тувинцев проживает за пределами России: в Монголии (около 12 тыс.) и Китае (более 4 тыс.) (*История* 2001: 3). В данной ситуации, безусловно, государственный фактор оказывает определяющее влияние на направление современного этнического развития различных групп тувинского населения.

Наиболее дисперсно тувинцы расселены в Монголии: в сумонах Цэнгэл и Буянт Баян-Улэгэйского аймака, в сумоне Буянт¹ Кобдоского аймака, в сумоне Цагаан-Нур Хубсугульского аймака, в сумоне Алтанбулаг Селенгинского аймака, в сумоне Заамар Центрального аймака. Места их наиболее компактного проживания – сумоны Цэнгэл, Цагаан-Нур и Буянт (в Кобдоском аймаке). К территории Тувы ближе всех расположены сумоны Цэнгэл и Цагаан-Нур; первый примыкает к Монгун-Тайгинскому кожууну, второй – к Тоджинскому. Многие тувинцы, живущие в этих сумонах, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя государствами привело к тому, что они оказались на монгольской территории.

Для Китая характерно относительно более компактное, по сравнению с Монголией, расселение тувинцев. Они главным образом сосредоточены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района; основная их часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай (*Монгуш* 2003: 111).

В Китае тувинцев называют *кок-мончаками*, или просто *мончаками*, хотя они сами себя именуют *тыва*. Есть предположение, что первыми их так начали называть казахи, после чего это наименование закрепилось в качестве самоназвания народа.

Цель настоящей статьи – попытка рассмотреть этноязыковую ситуацию и межэтнические отношения у тувинцев Монголии и Китая в сравнительном плане, следуя установившимся в этнографической науке подходам. В основу работы были положены результаты полевых исследований, которые автор проводила среди монгольских и китайских тувинцев с 1993 по 2002 г.

Языковые процессы

Этноязыковые процессы – одна из важнейших составляющих этнических процессов, поскольку язык относится к главным этническим определителям – этническому

Марина Васильевна Монгуш – кандидат исторических наук, докторант отдела азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН.

самосознанию, хозяйственно-экономическому укладу, специфике культуры и быта, а также этнопсихологическим особенностям этнофоров.

При изучении языка любого этноса, а тем более этнодисперсных групп, специалисты выделяют три важнейших аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и других составляющих языка, 2) функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения, 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую predisposedность (отношение к языку) (Губогло 1984: 17).

В данной статье эти три аспекта будут рассмотрены в разной степени, поскольку для изучения этноязыковых процессов характерно смещение акцентов на поведенческую и функциональную стороны исследования. Это объясняется тем, что из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее ярко выраженными этническими свойствами, чем и определяется его чрезвычайно важная роль в жизни этноса. Выполняя коммуникативную функцию, язык служит основным средством накопления и передачи информации от поколения к поколению. Важным является также и то, что язык помимо всего прочего выступает главным этноинтегрирующим фактором для этноса и, соответственно, этнодифференцирующим по отношению к другим этническим общностям. Именно это свойство языка позволяет ему выступать зачастую в качестве символа данной этнической общности (Бромлей 1985: 54–55).

В этнографической литературе предмет изучения этноязыковых процессов – не собственно языковые явления (фонетика, морфология, синтаксис и т.п.), а складывание и варьирование речевого поведения населения (Губогло 1998: 107) – феномены, которые в нашем случае очень сильно зависят от таких внешних внеязыковых факторов, как численное соотношение народов на территории проживания интересующих нас групп тувинского населения, особенности расселения этих народов и тувинцев среди них, продолжительность проживания и длительность этнокультурных взаимодействий тувинцев и их потомков с соседями. К этому, очевидно, следует добавить немаловажную роль социально-экономических условий существования тувинской общины, отсутствие у тувинцев национально-территориальных образований в рассматриваемых регионах. Все эти, а также некоторые другие менее выраженные факторы послужили основой складывания современной этноязыковой ситуации у тувинцев Монголии и Китая.

Наиболее актуальны для данного исследования изучение механизма функционирования тувинского языка среди монгольских и китайских тувинцев, а также выявление тенденций, специфики его развития. Для этого, как нам кажется, важно получить четкое представление о реальном соотношении тувинского языка с языками соседних народов в жизнедеятельности исследуемых групп. Не менее интересен вопрос об устойчивости национального языка в условиях дисперсного расселения его носителей в иноэтничной среде.

Исследуя этноязыковые процессы и языковой компоненты этноса в целом, следует иметь в виду такие базисные понятия, как *языковая компетенность* (мера, степень знания языка или языков), *речевая деятельность* (реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса) и *языковая ориентация* (Чуваши 1988: 73), без которых практически невозможно обозначить направления и перспективы развития языка у зарубежных тувинцев.

Изучение языковой ситуации в исследуемых тувинских группах велось различными путями. Так, в частности, чтобы получить представление о состоянии языковых процессов у тувинцев Монголии, мы, кроме имеющихся работ, привлекли оригинальные данные, полученные у наших информантов – монгольских граждан тувинского

происхождения. Знакомство с языковой ситуацией у тувинцев Китая осуществлялось путем непосредственного общения с ними, часто с помощью ряда ключевых вопросов: какой язык считаете родным; в какой степени владеете языками соседних народов; на каком языке получаете образование; в какой школе хотели бы учить своих детей; на каком языке общаетесь дома; не чувствуете ли, что теряете родной язык?

Однако, прежде чем рассматривать конкретные вопросы этноязыковых процессов, происходящих в той или иной этнической группе, необходимо отметить, что в языковом отношении тувинцы Монголии и Китая представляют собой единое целое – они говорят на различных диалектах тувинского языка. В целом их язык совпадает с тувинским разговорным языком, хотя и имеет некоторые особенности в фонетике, лексике и мелодике речи. В речи зарубежных тувинцев заметен особый акцент, который по звучанию напоминает монгольский язык. Возможно, это объясняется тем, что носители данных диалектов на протяжении длительного времени живут изолированно от большинства тувинского населения. В то же время они до сих пор сохраняют тот грамматический строй языка, который по существу не отличается от такового у основной массы тувинцев. В данном случае язык зарубежных тувинцев, являясь главным средством внутриэтнического общения, также выполняет и весьма существенные сигникативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенному этносу.

Наряду с этим для каждой группы тувинского населения, в зависимости от ее локализации, характерна особая, только ей присущая этноязыковая ситуация. Для того чтобы показать это, считаем целесообразным выделить с учетом территориально-географического признака четыре группы тувинцев, три из которых сосредоточены в Монголии (в Хубсугуле, Кобдо и Баян-Улэгэе) и одна – в Китае. Такое деление позволит не только выявить языковые особенности каждой группы, но также поможет получить более полное представление о весьма сложной и неоднозначной языковой ситуации у зарубежных тувинцев.

Мы преднамеренно не стали выделять в отдельные группы тех тувинцев, которые проживают в Селенгинском и Центральном аймаках Монголии, потому что, во-первых, они живут разрозненно, во-вторых, их слишком мало по численности, в-третьих, они не представляют собой единой группы в языковом отношении. Именно о них Э. Таубе пишет, что они “уже не владеют тувинским как родным языком, так как даже в семьях говорят по-монгольски”; у них “можно встретить полный отказ от традиционного образа жизни”, поскольку “многие живут оседло и занимаются нетрадиционными профессиями”; монгольское влияние среди них ощущается наиболее явно, начиная от переориентировки юрты на юг и кончая монгольскими именами (Таубе 1994: 9). Поэтому наше внимание направлено прежде всего на компактные группы тувинского населения, сохранившие родной язык, многие обычаи и устные предания.

Тувинцы Хубсугула живут по соседству с дархатами и халх-монголами. По языковым признакам их делят на две группы: выходцы из Тоджи и выходцы из Кунгуртуга. Такое деление произошло от того, что в 1940-е–1950-е годы, когда началась повсеместная коллективизация, из упомянутых регионов Тувы в Хубсугульский аймак Монголии перекочевало довольно много тувинских семей. На новом месте они присоединились к той небольшой части тувинского населения, которая испокон веков жила на этой территории.

В настоящее время не только исследователями, но и самими тувинцами признается тот факт, что между языками двух групп существуют небольшие различия, хотя они говорят на одном и том же тувинском языке. В то же время в языке хубсугульских тувинцев присутствуют отдельные заимствования из монгольского языка, а не-

которые слова имеют монголизированное звучание. Но, несмотря на это, в целом язык хубсугульских тувинцев можно рассматривать как особый диалект, очень близкий к тере-хольскому диалекту тувинского языка. Существующие в рамках этого диалекта различия, по всей вероятности, следует классифицировать как говоры.

Помимо своего родного языка хубсугульские тувинцы свободно говорят на дархатском диалекте монгольского языка. Они фактически двуязычны. Их дети учатся в монгольской школе.

Тувинский язык в основном употребляется в узком семейном кругу. Старшее поколение значительно лучше, чем молодое, владеет родным языком, поэтому для молодых людей уже сейчас остро существует проблема сохранения тувинского языка. Для того чтобы попытаться решить эту проблему, местные власти в 1990 г. специально пригласили из Тувы двух учителей и подписали с ними контракт о преподавании в течение трех лет тувинского языка в цагаан-нурской средней школе. Во время пребывания учителей из Тувы у местных тувинцев резко возрос интерес к родному языку. Родители охотно определяли своих детей к приезжим учителям, а дети, в свою очередь, с энтузиазмом изучали тувинский язык.

Однако эта практика, столь полюбившаяся местным жителям, по некоторым объективным причинам не получила дальнейшего развития. На сегодняшний день у хубсугульских тувинцев практически нет ни одного официального источника тувинского языка. Они не имеют своей письменности, школ, печатных изданий. Зато исследователи отмечают у них сохранение национального фольклора в устной передаче, для чего, как известно, письменной традиции не требуется. Тувинская исследовательница П. Серен также установила, что в сказках тувинцев Хубсугула довольно часто встречаются сюжетные линии, характерные для сказок тувинцев Тере-Холя, т.е. по существу они имеют единую сказочную традицию, из чего следует, что фольклор у данной группы имеет много общего с фольклором российских тувинцев (Серен 1993: 149–150).

Что касается языка хубсугульских тувинцев, то он, по нашим предварительным данным, представляет собой самостоятельный диалект тувинского языка, в рамках которого существуют два говора.

Тувинцы Кобдо живут в окружении монголов, казахов, захчинов, дербетов и других этнических групп. В языковом отношении они двуязычны – говорят на тувинском и монгольском языках. Их дети обучаются в монгольской школе, где в качестве иностранного языка по своему желанию могут изучать либо русский, либо английский.

Интересно отметить, что пожилые тувинцы, которые в свое время перекочевали в эти края из Синьцзяна, кроме тувинского и монгольского языков свободно владеют казахским. Современные тувинцы, которые уже родились на территории Кобдо, казахского языка не знают, хотя и живут рядом с его носителями, что свидетельствует о доминировании монгольского языка в общении между различными этническими группами Кобдо.

Тувинский язык, как показывают наши исследования, употребляется исключительно для внутрисемейного общения. Причем знание родного языка среди людей старшего поколения намного лучше, чем среди представителей среднего и молодого поколений. Поэтому проблема сохранения родного языка для кобдинских тувинцев стоит так же остро, как и для хубсугульских. В сумоне Буянт, где 30% населения составляют тувинцы, функционирует Тувинский комитет, который пытается решить эту проблему наряду с проблемой возрождения традиционных тувинских обрядов и обычаев.

В начале 1990-х годов этот комитет обратился к местному руководству с просьбой рассмотреть и положительно решить вопрос о введении в школьную программу

тувинского языка на правах факультатива, что дало бы возможность тувинским детям приобщиться к родному языку. Местные власти одобрили и поддерживали эту идею, но из-за отсутствия квалифицированных преподавателей она долгое время не воплощалась в жизнь. Это продолжалось до тех пор, пока не появились первые выпускники тувинского отделения филологического факультета Тувинского государственного университета.

Тувинским комитетом также неоднократно предпринималась попытка официально организовать подписку на наиболее популярные периодические издания, выходящие в Туве, но ее не удалось осуществить из-за сложных бюрократических процедур. Цэнгэльским тувинцам, очевидно, в этом отношении повезло больше – они регулярно получали популярную газету “Шын” до середины 1990-х годов. Подписка на нее вновь была возобновлена только в начале 2003 г.

Осенью 1974 г. кобдинских тувинцев впервые посетили исследователи из Тувы Ю.Л. Аранчын и Д.А. Монгуш. Результатами их полевой работы стали статьи, опубликованные в разных научных изданиях. Ю.Л. Аранчын, например, замечает: “поразительно то, что даже в такой небольшой этнографической группе, как жители Буянт сумона, сохранились удивительно интересные факты, свидетельствующие о наличии в их языке, фольклоре и обычаях довольно устойчивых общих черт с современными тувинцами” (Аранчын 1975: 215). Далее автор подкрепляет свое мнение языковыми и фольклорными материалами. Его коллега Д.А. Монгуш отмечает, что язык кобдинских тувинцев очень близок к языку российских тувинцев и может рассматриваться как один из диалектов тувинского языка, обладающий рядом фонетических, лексических и грамматических особенностей, которые сложились в условиях изоляции этой группы тувинцев под влиянием монгольского, казахского и, возможно, алтайского языков (Монгуш 1983: 144).

Осенью 1990 г., т.е. спустя 16 лет, у кобдинских тувинцев побывала исследовательница П. Серен, которая годом позже также посетила хубсугульских тувинцев. Сравнивая языки этих двух этнических групп, П. Серен замечает, что язык тувинцев Хубсугула был гораздо ближе и понятнее ей, чем язык тувинцев Кобдо, хотя те и другие говорили на одном и том же тувинском языке. В языке кобдинских тувинцев имелось много незнакомых слов, пришедших из языков соседних народов, преимущественно из монгольского (РФТИ).

Среди этнических групп, проживающих в Кобдо, есть также небольшая группа *урианхайцев*, о которых следует сказать отдельно. Как сообщают наши информанты, среди них по сей день встречаются (хотя и редко) носители тувинского языка. Объясняется это тем, что урианхайцы некогда были тувинцами, но, живя длительное время среди монголов, они полностью омонголились и в настоящее время представляют собой обособившуюся от тувинцев этническую группу, основным языком которой – монгольский. Поэтому знание тувинского языка отдельными представителями этой группы, в основном людьми почтенного возраста – явление крайне редкое.

Со слов информантов нам также стало известно, что некоторые пожилые тувинцы бережно хранят как семейные реликвии редкие старинные издания на тувинском языке, написанные либо кириллицей, либо латинским шрифтом. По всей вероятности, эти издания были вывезены из Тувы теми, кто после народной революции 1921 г. бежал в Синьцзян, а позже перебрался в Кобдо.

Весьма примечательно, что фольклор тувинцев Кобдо очень близок, практически родствен фольклору тувинцев Монгольского Алтая, преимущественно района Цэнгэл. Песни, благопожелания, некоторые сказки обеих групп, за редким исключением, полностью идентичны. Очевидно, в более ранний период истории между этими группами тувинского этноса существовало не только культурное, но и территори-

альное единство, которое позднее было нарушено различными историческими событиями.

Основными соседями *тувинцев Баян-Улэгэя* являются монголы, казахи и урянхайцы. Последние в основном проживают в сумоне Буянт и по своему этническому происхождению имеют непосредственное отношение к тувинцам. Часть их также соседствует с кобдинскими тувинцами, о чем было сказано ранее. Э. Таубе, посвятившая себя изучению именно этой группы тувинцев, пишет: "В сознании тувинцев сумона Цэнгэл представление о первоначальном тюркоязычии урянхайцев, говорящих сегодня по-монгольски, было живо и через сотню лет, когда я в конце 60-х годов вела среди них полевые исследования. Они четко отличают себя, тюркоязычных тыва, от монголоязычных урянхайцев, живущих дальше на восток и юго-восток от них..., но (цэнгэльские тувинцы. – М.М.) считают урянхайцев родственной им этнической группой, сохранившей с ними много общего в культуре и прежде всего в нравах и обычаях; их шаманы до последнего времени, по крайней мере до середины нашего столетия, камлали на тувинском языке" (Таубе 1994: 7).

Тувинцы Баян-Улэгэя свободно говорят на трех языках: тувинском, монгольском и казахском. Благодаря близости к территории Тувы и наличию хороших дорог контакты между жителями сумона Цэнгэл и российскими тувинцами существовали постоянно, особенно активными они были в 1950-е–1960-е годы. Это обстоятельство, безусловно, положительно отразилось на состоянии тувинского языка у цэнгэльских тувинцев. По сравнению с другими группами тувинцев они значительно лучше владеют родным языком, и проблема его сохранения для них не столь актуальна, как для остальных.

Убедительным доказательством того, что язык у цэнгэльских тувинцев хорошо сохранился, могут служить 120 песен (*ыр*), 17 шаманских заклинаний, 50 благословений (*алгыш*) и восхвалений (*мактал*), около 800 пословиц (*чечен сос*) и загадок (*тывызык*) и 90 сказов (*тоол*), историй (*тоогу*) и мифов (*домак*), которые были записаны Э. Таубе во время полевой работы (Там же: 18). Небольшая часть этого материала собрана у тех тувинцев, которые родились в районе южнее Алтайского хребта, т.е. на территории Синьцзяна, откуда впоследствии они переехали в Цэнгэл. Судя по текстам, между тувинцами Синьцзяна и Цэнгэла почти нет никаких языковых различий. Из-за постоянных контактов между обеими группами в прошлом и общего языка их сказки принадлежат одной и по существу единой традиции. Поэтому Э. Таубе рассматривает собранные сказки как общее достижение живущих на Алтае тувинцев (там же: 8–9).

Тувинцы Цэнгэла не без гордости отмечают, что из-за своей малочисленности, по сравнению с другими народами, они оказались в более выгодном положении в языковом отношении. Они в одинаковой мере свободно общаются с монголами и казахами на их языках, в то время как те ограничены в общении только монгольским.

До недавнего времени в Цэнгэле существовала лишь одна школа с монгольскими и казахскими классами. В ней обучалось примерно 1200–1400 учащихся. Преподавание велось на двух языках – монгольском и казахском. В качестве иностранного языка преподавали русский. Тувинские дети обычно учились в монгольских классах.

В 1991 г. местные власти, учитывая интересы тувинского населения, из одной школы образовали две – монгольскую с казахскими классами и тувинскую. Такая мера была предпринята с целью дальнейшего сохранения тувинского языка. По первоначальному замыслу предполагалось все предметы в школе перевести на тувинский язык. Однако родители учащихся выразили опасение, что это может привести к нежелательным результатам: дети будут крайне слабо владеть монгольским, в результате чего их шансы получить хорошее образование в престижных учебных заведениях страны резко снизятся. Поэтому было решено ввести в школьную про-

грамму тувинский язык и литературу, а все остальные предметы преподавать на монгольском. Учебники по тувинскому языку и литературе специально по этому случаю были закуплены в Туве. В качестве второго иностранного языка ввели английский.

О большой приверженности цэнгэльских тувинцев к родному языку свидетельствует также то, что они обычно имеют два имени – монгольское и тувинское. В официальных документах у них фигурирует монгольское имя, а в повседневной жизни принято называть друг друга тувинским именем. Причем последнее для человека более значимо, чем первое. К настоящему времени наметилась тенденция записывать в свидетельство о рождении ребенка его тувинское имя.

В языковом отношении тувинцы Монгольского Алтая находятся в наиболее благополучном положении. Во-первых, они имеют свою школу, в то время как у других групп она полностью отсутствует. Во-вторых, им намного легче, чем остальным, общаться с жителями Тувы. В-третьих, они в меньшей степени подверглись процессу монголизации. И, наконец, в-четвертых, у цэнгэльских тувинцев есть реальные шансы не только сохранить свой родной язык, но и внести существенную лепту в фольклорную сокровищницу тувинского народа.

Тувинцы Китая, т.е. Синьцзяня живут в многоязычной среде, поэтому по мере необходимости свободно переходят с одного языка на другой. Из языков окружающих их народов они достаточно хорошо владеют монгольским и казахским. Тувинский язык преимущественно употребляется в семье, а также во время таких семейных и общественных обрядов и церемоний, как свадьба, похороны, *оваа дагылгазы* и др.

Китайским языком тувинцы, как, впрочем, и их ближайшие соседи, владеют недостаточно, хотя он и входит в школьную программу и является обязательным для всех. Причина тому – удаленность и труднодоступность Алтайского аймака и как следствие – его малая заселенность ханьцами – коренными носителями китайского языка, что, в свою очередь, позволяет местным жителям вполне спокойно обходиться без него в повседневной жизни.

Во время полевой работы мы общались с мончаками на тувинском языке. Мы хорошо понимали друг друга, убеждаясь в том, что говорим на одном и том же языке, который, тем не менее, имеет некоторые особенности, иногда заставлявшие нас что-то переспрашивать и уточнять.

Люди пожилого возраста говорят на чистейшем народно-разговорном языке без посторонних примесей, в то время как люди молодого и среднего возраста употребляют множество слов, заимствованных из других языков, преимущественно монгольского и казахского.

Результаты китайского исследователя Сун Чжэнчуня показали, что подавляющее большинство пожилых носителей тувинского языка различают основные (краткие) и особые гласные, тогда как люди молодого возраста произносят такие различающиеся по фарингализованности и нефарингализованности звуки одинаково. Отсюда автор делает вывод, что фарингализация гласных в языке китайских тувинцев начинается затухать (*Сам и др.* 1989: 94). Иной точки зрения придерживается известный российский лингвист-тюрколог Э.Р. Тенишев. Он считает, что язык кок-мончаков изначально хранил в себе реликтовую черту – отсутствие фарингализации (*Тенишев* 1999: 133).

Фарингализация, как известно, это не просто адаптирование какого-либо звука или явления, а перестройка всей вокалической системы языка. Для того чтобы она получила развитие в тувинском языке, необходимо, по крайней мере, 500 лет. Из этого следует, что язык кок-мончаков отделился от языка материнского этноса в ту далекую пору, когда в последнем фарингализации гласных еще не было. После не-

посредственного общения с самими кок-мончаками мы можем лишь подтвердить, что фарингализация у них действительно отсутствует.

В то же время результаты проводившейся в октябре 1956 г. в Алтайском аймаке лингвистической экспедиции Академии наук КНР показали, что язык местных кок-мончаков, несмотря на ограниченность функциональных потенций, имеет много общего с нормами литературного тувинского языка и близок к его центральному диалекту. Сами кок-мончаки уверены, что их язык произошел от языка тувинцев Хемчика, т.е. Тувы, и подобного ему в Синьцзяне нет (Там же: 130–133).

Из-за полного отсутствия сети тувинских национальных школ дети китайских тувинцев учатся либо в казахской, либо в монгольской школе, причем предпочтение отдается последней. Когда дети впервые приходят в школу, кроме тувинского никакого другого языка они не знают. Но так как преподавание официально ведется на монгольском языке, в начальных классах учителям приходится переводить учебный материал с монгольского на тувинский. То же самое происходит в школе, где преподавание ведется на казахском языке. Постепенно родной язык отходит на второй план, а доминирующими языками общения становятся монгольский и казахский. Тувинский язык фактически служит только для общения в семье. Однако в тех случаях, когда один из родителей – представитель другой национальности, дети, как правило, уже не говорят на тувинском.

Нам удалось записать образцы разговорной речи китайских тувинцев, тексты некоторых песен и благопожеланий на кассеты, на диктофон, а отдельные слова и выражения – от руки. Кассетные записи полностью расшифрованы и в настоящее время хранятся в Рукописном фонде Тувинского института гуманитарных исследований в Кызыле. Специалистам еще предстоит определить место языка китайских тувинцев в общей системе тувинского языка.

* * *

В целом анализ языковой ситуации у различных групп зарубежных тувинцев не позволяет провести резкой границы между ними и тувинцами, живущими в Российской Федерации. Обработка материалов, имеющих отношение к реальной речевой деятельности, убедительно доказывает тезис о существовании у них как развитого тувинско-монгольского двуязычия, характерного для этнических групп Хубсугула и Кобдо, так и тувинско-монгольско-казахского мультилингвизма, наблюдаемого у групп, проживающих на Монгольском и Китайском Алтае.

Языковая ситуация, сложившаяся в этих регионах к настоящему времени, характеризуется достаточно прочным равновесием в функционировании одновременно двух языков, главным образом в реальной речевой деятельности. В целом говорить о вседовлеющем преобладании какого-то одного языка в речевом поведении рассматриваемых этнолокальных групп нельзя, тем не менее можно с уверенностью констатировать наличие весьма отчетливой тенденции к возрастанию роли монгольского языка в производственной сфере и межличностном общении у тувинцев Монголии и казахского, монгольского, а также китайского языков у тувинцев Китая.

Особенно ярко активность монгольского языка проявляется у тувинцев Хубсугула и Кобдо, где он проник в такую, казалось бы, закрытую сферу, как внутрисемейное общение. Здесь монгольский явно превалирует над тувинским. По признанию П. Серен, во время полевых исследований в Хубсугульском аймаке, ей приходилось общаться с некоторыми 30–40-летними тувинцами с помощью переводчика, так как они практически не говорили по-тувински (Серен 2000: 9). Наши информанты, часто посещающие кобдинских тувинцев, сообщают, что там старики обращаются к моло-

дым на тувинском языке, а те, понимая тувинскую речь достаточно хорошо, все же предпочитают отвечать на монгольском.

На основе этих данных можно предположить, что в дальнейшем у тувинцев Хубсугула и Кобдо будет усиливаться ассимиляция их языка монгольским, при том, однако, что будет и далее существовать реальный билингвизм в межличностном внутри- и внесемейном общении.

В отечественной этносоциологической литературе принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную (*Губогло* 1998: 96–98). В первом случае двуязычие распространяется “вширь”, т.е. вторым языком, в нашем случае – монгольским, овладевают все больше представителей немонгольского этноса. Во втором случае проявляется тенденция к “углублению” двуязычия посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутриаэтническом общении.

Исходя из этого положения, можно утверждать, что тувинско-монгольское двуязычие у хубсугульских и кобдинских тувинцев реализует в своем развитии обе эти тенденции, поскольку, как показывают результаты исследований, налицо достаточно широкое овладение монгольским языком с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции и его активное использование в реальной языковой деятельности. Необходимо учесть при этом и степень воздействия столь развитого двуязычия на процессы культурной интеграции в ходе межэтнического тувинско-монгольского взаимодействия.

Что касается тувинцев Монгольского и Китайского Алтая, то у них помимо тувинского наблюдается свободное владение казахским и монгольским языками, которые используются ими в одинаковой степени и гораздо более активно, нежели тувинский, что во многом определяется как уровнем развития их общественных функций в образовании, хозяйственной деятельности, делопроизводстве, так и особенностями дисперсного проживания тувинцев в многоязычной среде. Отнюдь не последнюю роль в этом играет и такой важнейший фактор, как использование этих языков в чтении литературы и газетно-журнальной периодики. В этом случае кроме лингвистического воздействия как такового тувинцы испытывают и огромное культурное воздействие самого материала, в значительной степени зависящее от языка, на котором он подается.

Языковая ситуация у монгольских и китайских тувинцев во многом определяется также изменениями лингвистических характеристик языка. Хотя нами не проводился структурный анализ языка указанных групп тувинцев (он находится в компетенции лингвистов), тем не менее мы попытались, не вдаваясь в подробности изменения таких структурных единиц языка, как лексика, морфология и грамматика, выявить главное их направление.

Длительное проживание в географическом и культурно-языковом отрыве от основного массива тувинского этноса, как нам кажется, привело к тому, что у дисперсно расселенных представителей различных этнолокальных и диалектных групп тувинцев произошла значительная редукция лексических и морфологических структур языка в бытовом общении. Это, в свою очередь, способствовало языковой интерференции, т.е. отклонению от устоявшейся структуры языка в силу внешнего воздействия, проявляющегося в фонетике, морфологии, лексике и семантике, нарушении некоторых синтаксических и стилистических норм. У рассматриваемых нами групп это явление получило весьма широкое распространение и служит в настоящее время одним из оснований в осознании ими своего отличия от тувинцев, проживающих в Российской Федерации.

На развитие этноязыковых процессов существенно влияют и языковые ориентации зарубежных тувинцев, их психологические установки на тот или иной язык.

Особое значение этот аспект приобретает в связи со способностью языковой predisposedности, сформировавшись под воздействием среды, оказывать воздействие на динамику языковой компетенции и характер языковой деятельности. В нашем случае одним из главных показателей в системе языковых предпочтений служит установка тувинцев на язык школьного обучения. Подавляющее большинство как монгольских, так и китайских тувинцев предпочитают обучать детей в монгольской, а не в казахской школе, как следовало бы ожидать, учитывая языковое родство казахов и тувинцев. Однако predisposedность тувинцев к монгольскому языку в немалой степени обусловлена конфессиональным фактором – монголы, как и тувинцы, являются буддистами.

Достаточно своеобразное положение сложилось с языковой компетентностью: из четырех этнолокальных групп тувинцы Монгольского Алтая, т.е. жители сумона Цэнгэл, свободно владеют тувинским языком (говорят на нем, читают и пишут), в то время как представители трех остальных групп знают язык лишь на разговорном уровне. При этом в старших возрастных группах уровень языковой компетенции значительно выше, чем в средних и младших группах. У последних по мере снижения их возраста знание тувинского языка становится менее глубоким.

Такое положение обусловлено возможностью изучения тувинского языка в системе школьного образования, которая, как свидетельствуют наши информанты, неодинакова у различных групп тувинского населения. Однако эта проблема в Монголии, например, решается следующим образом: в начале 1990 г. благодаря общим усилиям правительства Республики Тыва и Монголии удалось достичь двустороннего соглашения о подготовке молодых кадров по разным специальностям. Согласно этому договору осенью того же 1990 г. в Улан-Баторский государственный университет поехали учиться четыре студента из Тувы, а Кызыльский государственный педагогический институт (с сентября 1996 г. – Тувинский государственный университет) принял столько же студентов из Монголии.

Обращает на себя внимание тот факт, что все студенты, приехавшие из Монголии, – тувинцы по происхождению, причем двое из них – выходцы из Цэнгэла, одна девушка – из Кобдо, другая – из Хубсугула. Все четверо обучались на тувинском отделении филологического факультета, по окончании которого им была присвоена квалификация “учитель тувинского языка и литературы”. В настоящее время подготовка таких кадров из числа монгольских тувинцев поставлена на поток. Многие из них остаются в Туве и продолжают обучение в аспирантуре, выбрав в качестве объекта исследования тот или иной аспект тувинского языка или литературы, и лишь немногие возвращаются в Монголию, где в большинстве своем работают по специальности.

Учитывая то обстоятельство, что монгольские тувинцы испытывают определенные сложности, связанные с сохранением родного языка, правительство Тувы обязалось регулярно обеспечивать пока единственную тувинскую школу в Цэнгэле всеми необходимыми учебниками и пособиями. Более того, осенью 2001 г. туда были направлены специалисты-строители из Тувы для ремонта здания школы. Строительные материалы для этой цели были доставлены из России.

Тувинское правительство и в дальнейшем намерено оказывать всяческую поддержку монгольским тувинцам в сохранении их родного языка, и это позволяет надеяться, что тувинский язык в Монголии не исчезнет окончательно.

Несколько сложнее обстоит дело с тувинским языком в Китае. Во-первых, у китайских тувинцев нет возможности, во всяком случае, сейчас, общаться с жителями Тувы. Во-вторых, ни местные, ни центральные власти не проявляют заботу о том, чтобы помочь малочисленным этническим группам сохранить родной язык, поскольку языковая политика Китая направлена на их ассимиляцию. Осуществляется

она путем планомерного заселения национальных окраин страны ханьцами, что ведет к усилению позиций китайского языка в этих регионах. Особенно показательна в данном отношении ситуация в Синьцзяне, где процент ханьского населения увеличился с 5 в 1949 г. до более чем 40 в 1980-е годы (Зарубежный Восток 1986: 223). В-третьих, постоянные контакты между тувинцами Синьцзяна и Монголии, которые происходили ранее, в последние десятилетия практически перестали осуществляться, что в немалой степени способствует еще большей изоляции языка китайских тувинцев. Тот язык, который мы слышали у них в начале 1990-х годов, представляет собой особый диалект тувинского языка со значительным преобладанием монголизмов. Заимствования из других языков, в частности, из казахского, заметно уступают монгольскому, хотя в языках других групп тувинцев они представлены совсем незначительно.

Подводя итоги нашим исследованиям в области современных этноязыковых процессов у тувинцев Монголии и Китая, отметим некоторые основные тенденции.

В результате особенностей расселения и исторического развития зарубежных тувинцев достигнута достаточно высокая степень их языковой ассимиляции со стороны соседних народов. Это привело к тому, что тувинский язык у различных этнолокальных групп приобрел ряд особенностей в области мелодики речи, лексики, фонетики и отчасти грамматики. На язык тувинцев Монголии, например, преимущественно повлиял монгольский, хотя влияние казахского также нельзя отрицать. На язык тувинцев Китая помимо монгольского и казахского частичное влияние оказали китайский, уйгурский языки. Фактически зарубежные тувинцы создали самостоятельные диалекты тувинского языка, которые, к сожалению, до сих пор остаются малоизученными.

Широкое распространение получил как тувинско-монгольский билингвизм, так и тувинско-монгольско-казахский мультилингвизм; при этом абсолютное большинство тувинцев демонстрируют свою предрасположенность к монгольскому языку, ставшему средством не только межнационального, но и внутриэтнического общения.

Учитывая постоянно происходящие в языковой ситуации изменения, можно с некоторой долей уверенности предсказать дальнейшее развитие процесса проникновения в культуру монгольских и китайских тувинцев потенциала, накопленного языками соседних народов. Являясь позитивным в целом, этот процесс даже в его нынешнем виде имеет определенный негативный аспект, а именно: уровень и степень знания тувинского языка падают по мере снижения возраста респондентов, что в будущем может привести к потере тувинским языком части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей. Если ситуация примет такой оборот, то, очевидно, произойдет вынужденная замена отдельных элементов и целых слоев языковой культуры тувинцев на монголо-казахо-китаеязычный эквивалент.

Межэтнические отношения

Феномен межэтнических взаимодействий представляет собой сложное и многогранное социальное явление. В отечественной этнографии и этносоциологии сложились по крайней мере три подхода к исследованию проблемы межэтнических контактов. В одном случае (что характерно для работ, выполненных в традициях классической этнографии) изучаются, как правило, результаты взаимовлияний в области материальной и духовной культуры, различные виды взаимодействий (в частности, межнациональная брачность) на уровне этносов или крупных этнических подразделений. В другом случае межэтнические взаимодействия, рассматриваемые на личностном уровне, трактуются как процесс восприятия, усвоения и передачи

внутри- и иноэтнической информации. В рамках такого подхода затрагивается ряд сторон этнопсихологической реализации межнационального общения, выражаемой совокупностью установок, оценок, ориентаций, связанных с отношением к различным национальностям и их культурам. Понятие “межнациональное общение” выступает как производное от более общей категории “межличностное общение”, разрабатываемой в рамках социальной психологии. И, наконец, третий аспект изучения проблемы межэтнических контактов составляет анализ результатов личностного межнационального общения в малых социальных группах как массового процесса, меры влияния этих групп на этнокультурные, этноязыковые и иные характеристики партнеров по общению (Чуваши 1988: 53–54). Термины “межэтнические контакты”, “межнациональное общение”, “личностное межнациональное общение” рассматриваются здесь как синонимы.

Известно, что межличностное общение осуществляется и более или менее постоянно воспроизводится в значительной мере в малых группах. В этой связи особое значение приобретают те малые группы, которые включают индивидов в систему наиболее устойчивых и социально значимых отношений. К их числу ученые относят две ярко выраженные сферы: семейно-родственные отношения и производственно-бытовые контакты.

Изучение межнациональных установок зарубежных тувинцев для нашего случая имеет очень важное значение, поскольку подход к межэтническому взаимодействию как процессу восприятия и усвоения иноэтнической информации позволяет с большей долей объективности судить о ходе и направлении современного этнического развития в исследуемых группах тувинского населения. В связи с этим наша задача состоит в том, чтобы выявить направленность (интро- или экстраэтническую) межличностного общения в системе таких социально значимых отношений, как семейные, трудовые и соседско-дружеские. Мы понимаем, что социальные связи индивида не ограничиваются лишь вышеуказанными сферами жизнедеятельности человека, но фокусируемся на них как на наиболее важных факторах формирования установок в межличностном общении субъектов, входящих в изучаемую нами этническую общность.

Для решения поставленной задачи, мы в первую очередь попытались выяснить у наших информантов, есть ли в их семьях или в семьях их родственников люди других национальностей; как часто они вступают в брак с лицами нетувинской национальности; проводят ли семейные торжества или национальные праздники с представителями других этносов; с людьми какой национальности предпочитают дружить, работать и т.д.

Известно, что межличностные установки индивида формируются только в сообществе себе подобных, поэтому для характеристики национальных установок следует пользоваться понятием национально-смешанных микрогрупп, так как изучаемое нами сообщество является членом таких групп в семейной, производственной или соседско-дружеской сферах, что объясняется достаточно высоким уровнем этнической смешанности в большинстве населенных пунктов, где проживают монгольские и китайские тувинцы.

Основными этническими партнерами тувинцев в Монголии и Китае на протяжении нескольких веков и по сей день являются монголы и казахи; по сравнению с ними представители других этносов из-за малочисленности и разобщенности гораздо в меньшей степени взаимодействуют с тувинцами. Из всех соседних народов монголы доминируют в качестве брачного партнера тувинцев, хотя в целом их число в тувинских семьях не столь значительно. Причина тому в интроэтнических установках тувинцев в вопросах семьи и брака.

Тем не менее уровень межнационального общения тувинцев в повседневной жизни остается весьма высоким. Чтобы полно охарактеризовать его, мы решили сначала выяснить параметры личностных установок на межнациональное общение и таким образом раскрыть механизм межэтнического взаимодействия тувинского, монгольского и казахского населения в направлении “тувинцы – нетувинцы”. Полученные нами данные показали следующее.

Оказалось, что большинство информантов не очень одобрительно относятся к бракам с людьми другой национальности, считая это препятствием для сохранения этнической целостности тувинской общины. Подобные установки в большей степени характерны для тувинцев, проживающих компактно и не испытывающих трудности в выборе брачного партнера, и в меньшей степени – для тех, кто живет разрозненно, не представляя собой этнической целостности. В то же время те, с кем мы так или иначе обсуждали проблему межэтнических контактов, признали, что национальный состав коллектива для них не имеет никакого значения, более того, они даже убеждены, что многонациональный состав в целом положительно влияет на производственные отношения. Также для наших информантов практически никакой роли не играет национальность друга или соседа, главное, чтобы “человек был хорошим”.

Сами тувинцы весьма высоко оценивают свою способность входить в контакт с представителями других национальностей; они считают, не без оснований, что свободное владение языками соседних народов позволяет им без труда находить общий язык с любым из них. В подобном подходе проявляется толерантность тувинцев, принимающих других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними (Дробизева 1997: 52–53).

Во время некоторых обрядов, в частности обряда *оваа дагылгазы*, как у монгольских, так и у китайских тувинцев в качестве почетных гостей принято приглашать представителей других этнических групп, но при этом они обязательно должны принадлежать к той же вере, что и тувинцы, т.е. быть буддистами. Следовательно, из ближайших соседей на обряде могут присутствовать только монголы, а казахи, будучи мусульманами, остаются в стороне. Кстати, у казахов также существуют некоторые обряды религиозного характера, в которых иноверцы не имеют права участвовать. Подобные нюансы, однако, никогда не становятся поводом для конфликтных ситуаций, они, напротив, способствуют взаимной толерантности.

Особо следует сказать об отношении тувинцев к китайцам. Поскольку последние (из-за отдаленности, труднодоступности и отсутствия развитой инфраструктуры) практически не живут в той части страны, где сосредоточены тувинцы, общение с ними по большей части носит случайный, эпизодический характер. Тувинцы, безусловно, отдают китайцам должное как титульной нации, но в то же время признают, что с ними у них мало общего в культуре, языке и даже в психологии.

Важнейшим показателем отражения этнических процессов в сфере семейных отношений являются межэтнические браки. Значение их состоит в том, что они способны определять характер и направленность этнических процессов, и, в свою очередь, развиваться под их воздействием. Поэтому для нас изучение межнациональных брачных взаимодействий интересно как раз с точки зрения их влияния на ход этнического развития монгольских и китайских тувинцев. При рассмотрении данной проблемы необходимо в качестве основы взять так называемую информационную концепцию этноса, которая исходит из попытки объяснить стремление человека (в том числе и при вступлении в брак) идентифицировать себя с устойчивой культурной общностью, называемой “этнос” (Арутюнян и др. 1998: 216).

Основная функция этноса в современном мире состоит в “информационной защите” членов этноса от нестабильности и неопределенности жизни; такая информаци-

онная защита нужна “среднему” человеку вследствие ограниченности информационных возможностей каждого индивидуума. Свою функцию этнос выполняет путем поддержания культурной традиции, т.е. путем воспроизводства в новых поколениях тех ценностей, символов, правил поведения, которые он выработал за многие столетия адаптации к природной и социальной среде. Из этой посылки вытекает и неизбежность существования этноса как группы – носителя традиции.

Этническая культура и самосознание воспроизводятся не только на уровне этноса в целом или отдельных составляющих его индивидов и семей, но главным образом на уровне достаточно многочисленных и, самое главное, устойчивых во времени групп внутри этноса. Система этих групп образует внутреннюю структуру этноса, которую ученые называют “мезоструктурой”, в отличие от микроструктуры как совокупности индивидов и отдельных семей. К элементам мезоструктуры относятся родственные группы, устойчивые территориальные общности, некоторые профессиональные категории, например, потомственные чабаны, служители культа и т.д. В них на уровне межличностного общения формируются и передаются наиболее устойчивые нормы поведения, социально-психологические особенности народа, воспитывается этническое самосознание (Там же: 216–217).

Именно круги общения, формирующие мезоструктуру этноса, определяют правила подбора брачного партнера. В этносах со сплоченной мезоструктурой, к которым, по нашему мнению, относятся тувинцы Монголии и Китая, выход за пределы predeterminedных ею брачных кругов, в том числе вступление в межнациональные браки, происходит относительно редко и, как подсчитали этносоциологи, в среднем не превышает 5–10% всех заключаемых браков, даже если этнос, как в нашем случае, проживает в этнически смешанном регионе. Эту функцию круги общения выполняют, во-первых, за счет поддержания механизма “внешнего”, т.е. социального контроля за подбором брачного партнера; во-вторых, через “внутренние”, т.е. психологические, механизмы формирования культурной идентичности и этнического самосознания (Там же: 217).

Применительно к цэнгальским тувинцам Э. Таубе замечает, что, хотя они и живут в непосредственном контакте с казахским населением, браки между тувинцами и казахами встречаются крайне редко; хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать их. “В Цэнгэле живет несколько монголов, – пишет она, – приехавших сюда вслед за женами или мужьями, поэтому здесь практически нет условий для смешанных браков этих двух этносов. Иное дело, когда молодые тувинцы отправляются получать образование в другие районы страны, часто они там и остаются. Но и там браки между тувинцами и монголами встречаются пока очень редко” (Таубе 1994: 9).

К выводам немецкой исследовательницы наши информанты добавили весьма существенную деталь, а именно, принадлежность казахов к другой конфессии является серьезным сдерживающим фактором для вступления с ними в брак; в этом отношении браки с монголами более предпочтительны, хотя в целом они тоже не поощряются.

Схожая картина наблюдается и среди тувинцев Китая. В местах тесного соседства и хозяйственно-бытовых контактов тувинцев с казахами, монголами и людьми других национальностей, межнациональные браки имеют место, но в общем числе браков их процент весьма незначителен. В районах компактного расселения тувинцев с моноэтническим составом смешанные браки почти не встречаются.

Склонность тувинцев к однонациональным бракам, как нам объяснили, продиктована не столько их желанием сохранить “чистоту крови”, сколько боязнью появления нового члена семьи, принадлежащего к другой национальности, и в силу этого способного нарушить привычный уклад семейной жизни, существующие нормы взаимоотношений и этикета между поколениями и полами, традиции социального пове-

дения и роль каждого члена семьи. Подобные ориентации в некоторых случаях ведут к кровосмешению, что, по сути, вызывает деградацию этноса. Наиболее серьезно эта проблема стоит перед тувинцами Баян-Улэгэйского аймака Монголии, где за последние годы значительно возросло число детей, рожденных от родителей, состоящих в близком родстве. Как и следует ожидать в таких случаях, дети сильно отстают в умственном развитии, имеют физические дефекты и не приспособлены к полноценной жизни.

Сложившаяся ситуация вызывает недоумение, поскольку традиционно в тувинском обществе господствует моногамный брак, который регулируется экзогамными запретами, распространяющимися на родственников по отцовской линии до определенного поколения. В круг лиц, на которых распространяются эти запреты, входят все члены кровно-родственной группы, имеющие происхождение от одного общего предка – родоначальника. Речь в данном случае идет о роде, основанном на фактическом кровном родстве, а не об официальном роде, представляющем собой административную и фискальную единицу. Экзогамия внутри отцовского рода соблюдается довольно строго; брак внутри него расценивается как недопустимое и позорное нарушение обычая. Пожилые информанты утверждают, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуется уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих, могут обмениваться невестами.

С баян-улэгэйскими тувинцами дело обстоит сложнее. У них в кровно-родственные браки вступают не по ошибке, как мы полагали, а вполне сознательно, что является не просто отступлением от брачных норм, но и нарушением их “по собственному желанию”. Подобное поведение с точки зрения логики не поддается объяснению, однако наши информанты мотивируют его тем, что у них в мужья и жены принято брать только “своих”.

Несколько слов следует сказать о межнациональных браках, которые хотя распространены и нечасто, но имеют место. Одним из основных факторов роста межнациональной брачности многие исследователи считают ослабление влияния традиционных родственных и соседских связей. Так, О.А. Ганцкая и Л.Н. Терентьева в середине 1960-х годов подчеркивали влияние соседских кругов внутриэтнического общения на выбор женихов и невест по национальности (*Ганцкая и др.* 1965: 15–16). А Г.П. Васильева, анализируя материалы по национально-смешанной брачности в Средней Азии, писала, что в смешанные браки вступают довольно часто люди, у которых нет большой сплоченной родни (*Васильева* 1968: 34).

К зарубежным тувинцам подобные положения, как нам кажется, не совсем применимы; к ним больше подходит тезис о том, что даже в самых сплоченных этносах часть женихов и невест вступают в национально-смешанные браки. Обычно это люди, занимающие маргинальные позиции в собственном этносе, или, как их называют исследователи, “этнические маргиналы”. Само это понятие не включает в себе никакой негативной семантики.

Под этническим маргиналом понимается человек, отклоняющийся от стандартов социального поведения, принятых в его этносе. Например, если этнос находится на ранних стадиях урбанизации, то маргиналом может оказаться человек, сделавший хорошую карьеру в инациональном городе, поскольку для “своих” он становится в значительной степени чужаком. В этом случае вступление в межнациональный брак есть не только результат индивидуального выбора, но и следствие “выпадения” отдельных семей или индивидов из системы внутриэтнического социального контроля (*Арутюнян и др.* 1998: 218).

Среди монгольских и китайских тувинцев этнических маргиналов не очень много. К их числу, пожалуй, можно отнести монгольских студентов тувинского происхож-

дения, приезжающих получать образование в Туву, где какая-то их часть оседает, вступив в брак с российскими гражданами. В будущем, надо полагать, число этнических маргиналов будет расти.

Интересные результаты были получены нами при анализе брачных миграций тувинцев. Оказалось, что, несмотря на ряд условий, например, проживание в этноконтактной зоне (тувинцы Монгольского и Китайского Алтая), численность, дисперсное расселение, весьма благоприятствующих распространению брачных миграций среди представителей различных этнолокальных групп, между ними отсутствуют какие бы то ни было брачные связи, т.е. границы их брачных универсумов не пересекаются. Предположительное воздействие фактора административного деления (существование административных границ аймаков) представляется несущественным, поскольку он в принципе не оказывает существенного влияния на интенсивность брачных связей как таковых. По признанию информантов, брачных партнеров у них в большинстве случаев находят, не выходя за пределы своей этнолокальной группы. Контакты между различными группами тувинского населения неравномерны и не столь интенсивны. Изредка общаются между собой тувинцы Баян-Улэгэйского и Кобдоского аймаков, однако те и другие практически не поддерживают никаких отношений с тувинцами Хубсугульского аймака. Случайный, эпизодический характер носят связи между тувинцами Монгольского и Китайского Алтая. Но все эти контакты не настолько сильны и регулярны, чтобы создать почву для брачных миграций.

Остается еще один вопрос – об этнической принадлежности брачных партнеров зарубежных тувинцев. Их основными этническими партнерами, как отмечалось ранее, являются монголы и казахи, тогда как удельный вес представителей других этнических групп – дархатов, дербетов, захчинов, алтайцев, уйгуров – на порядок ниже. Из них монголы чаще остальных становятся брачными партнерами тувинцев.

* * *

Таким образом, в заключение нашего небольшого исследования мы можем отметить следующее. Первое – налицо весьма высокий уровень межнационального общения тувинцев Монголии и Китая прежде всего с монголами и казахами, среди которых и проживает основная масса зарубежных тувинцев. Второе – личностные национальные установки тувинцев в подавляющем большинстве направлены на межэтническое общение, интроэтническими мы можем признать лишь их установки на брак. Третье – в будущем, очевидно, следует ожидать некоторый рост экстраэтнических, т.е. направленных преимущественно на инонациональное общение, установок, что приведет к большей степени ассимилированности зарубежных тувинцев окружающим полиэтническим населением.

Результаты исследования национально-смешанной брачности показали, что в целом для тувинцев Монголии и Китая характерен моногамный брак с присущими ему экзогамными запретами, за исключением этнолокальной группы, проживающей в Баян-Улэгэйском аймаке Монголии, у которой в последнее время наблюдается значительное их нарушение. Вместе с тем на развитие процесса межэтнической брачности влияет и, судя по всему, будет влиять в ближайшем будущем устойчивая ориентация тувинских этнофоров на однонациональные браки. И наконец, в развитии этноассимиляционных процессов у зарубежных тувинцев со стороны монголов определенную роль играют их межэтнические браки, число которых хотя и не столь значительно, но все же имеют некоторую, пока слабо выраженную, тенденцию к возрастанию в будущем. Примечательно, что на данном этапе количество тувинско-

монгольских брачных союзов значительно превышает число браков тувинцев со всеми остальными этническими партнерами.

Примечания

¹ *Сумоны* с одноименным названием Буянт имеются в двух разных аймаках Монголии: в Баян-Улэгэйском и Кобдоском.

Литература

- Аранчын 1975 – Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Уч. зап. Тувинского науч.-иссл. ин-та языка и литературы. Вып. XVII. Кызыл, 1975.
- Арутюнян и др. 1998 – Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.
- Бромлей 1985 – Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1985.
- Васильева 1968 – Васильева Г.П. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане // Сов. этнография. 1968. № 1.
- Ганцкая и др. 1965 – Ганцкая О.А., Терентьева Л.Н. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике // Сов. этнография. 1965. № 5.
- Губогло 1984 – Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984.
- Губогло 1998 – Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- Дробижева 1997 – Дробижева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // От толерантности к согласию. М., 1997.
- Зарубежный Восток 1986 – Зарубежный Восток. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- История 2001 – История Тувы / Под ред. С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола. Изд. 2-е. Новосибирск, 2001.
- Монгуш 1983 – Монгуш Д.А. О языке тувинцев в Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.
- Монгуш 2003 – Монгуш М.В. Тувинцы Китая // Этнограф. обозрение. 2003. № 5.
- РФТИ – См.: Рукописный фонд Тувинского ин-та гуманитарных исследований. Д. 1198. Л. 7. (Материалы автора).
- Сат и др. 1989 – Сат Ш.Ч., Доржу Л.Ю. К изучению тувинского языка в Китае // Сов. тюркология. 1989. № 5.
- Серен 1993 – Серен П.С. Цагаан-Нур тываларында (тув. “У цагаан-нурских тувинцев”) // Улуг-Хем. Кызыл, 1993. № 5–6.
- Серен 2000 – Серен П.С. Моолда тываларнын чанчылдары. Орук демдеглери (тув. “Обычаи тувинцев Монголии. Путевые заметки”). Кызыл, 2000.
- Таубе 1994 – Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. М., 1994.
- Тенишев 1999 – Тенишев Э.Р. Тувинское племя кокмунчак из Синьцзяна // Общее и восточное языкознание. М., 1999.
- Чуваши 1988 – Чуваши: современные этнокультурные процессы. М., 1988.

M.V. Mongush. Ethnocultural Processes among the Tuvans of Mongolia and China

The article focuses on the ethnolinguistic situation among the Tuvan living in the Bayan-Ulegei, Kobdo, and Khubsugul aimags of Mongolia and the Altai aimag of Xinjiang of China; as well as on interethnic relations and interethnic marriages among the Tuvan groups. The article is based on the author's personal fieldwork data gathered during her work in 1993–2004 among the Tuvan of Mongolia and China.